

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ РУКОПИСЬ ПУРБО БАЛДАНЖАПОВА «ТУВА ПОД ГНЕТОМ МАНЬЧЖУРСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ»

В. А. Василенко

Аннотация в статье представлена характеристика неизданной рукописи выдающегося бурятского ученого-монголоведа П. Б. Балданжапова «Тува под гнетом маньчжурских захватчиков» (примерное время создания — конец 40-х — начало 50-х гг. XX в.).

Ключевые слова П. Б. Балданжапов, историография, источниковедение, история Тувы, международные отношения в Туве, политика, маньчжурский Китай.

Историография и источниковедение вопросов политики России, Китая и Монголии в Туве (вторая половина XIX века — 1920 годы) достаточно изучены исследователями Института востоковедения РАН, авторами из Кызыла, Барнаула, Красноярска, Иркутска. Столетие назад вопросы трехсторонней политики контекстным образом были рассмотрены в монографии Дугласа Каррутерса, позднее — в работах Фриттерса, Квестид и других. В 1999 г. по трехсторонним отношениям России, Китая и Монголии в Туве была защищена кандидатская диссертация монгольского ученого Д. Шурхуу. В настоящее время в Монголии ведется активная работа по публикации архивных материалов по истории Тувы. Все упомянутые труды широко известны в среде специалистов, оценены по достоинству коллегами по цеху, историографический обзор этих научных работ является классическим для каждой защищаемой диссертации и публикуемой монографии. Однако некоторые из них по-прежнему скрыты от пытливых глаз исследователей, и найти их — большая удача.

Об одной из таких находок мне и хотелось бы рассказать. Отдельные аспекты истории Тувы рассматривались в трудах Пурбо Бандановича Балданжапова — выдающегося бурятского ученого, заведующего музеем восточных культур, заведующего отделом индо-тибетской медицины Бурятского института общественных наук (БИОН)¹.

За короткий период своей творческой и научной активности Пурбо Бандановичу удалось сделать столько, сколько под силу иногда бывает десятку ученых.

Научные интересы Б. П. Балданжапова

В первую очередь он интересовался древней и средневековой историей монгольских народов, источниковедением и историографией Монголии. Одна из самых крупных опубликованных им памятников монгольской историографии является летопись «Алтан тобчи» — сочинение, написанное в 1765 г. Мэрэн-гэгэном уратским. П. Б. Балданжапов перевел данную летопись на русский язык, проанализировал ее как источник по истории монголов, дал анализ лингвистических и палеографических особенностей текста. Продолжительное время работал он над «Чаган Тукэ» — монгольским историко-правовым сочинением XIII века. Он выполнил огромный труд по составлению критического текста с разночтениями по восьми спискам, хранящимся в библиотеках и рукописных фондах Монголии, Бурятии, России и Китая, и дал описание характеристику этих списков.

«Следует отметить, — писал Ш. Б. Чимитдоржиев, — изучение конкретных монгольских исторических памятников и их публикация требуют сочетания труда историка и филолога и достаточного знания тибетского языка, не говоря уже о монгольском и европейском языках. Балданжапов справился с задачей источниковеда и историографа, потому что имел солидную подготовку историка и филолога и владел многими восточными и европейскими языками (Чимитдоржиев, 2001: 65).

П. Б. Балданжаповым были переведены на русский язык грамматические трактаты «Джирукэн-у тулта-ийн тайлбури» (XVIII в.), «Кэлэн-у Чимэг» (XIX в.). Он дал источниковедческую характеристику этих сочинений как памятников монгольского языкознания, на основании нескольких списков составил их сводные тексты.

Основное научное направление, в рамках которого работал П.Б. Балданжапов — история культуры Центральной Азии. Он занимался разработкой трех крупных тем: «Монгольское источниковедение и историография Монголии», «Источниковедение индо-тибето-монгольской медицины» и «Изучение Ганджура и Данджура, выборочная публикация и перевод сочинений из них».

Ученый отдавал много сил и душевной энергии, организуя новые научные направления. Так, им были заложены основы изучения и исследования восточной (тибето-монголо-бурятской) медицины. В этих исследованиях прини-

мали участие ученые-востоковеды, знатоки тибетского и старо-монгольского языков, источниковеды, медицинские специалисты. Их главной целью на начальном этапе работы было изучение и издание «Атласа тибетской медицины», а также перевод ряда монгольских и тибетских сочинений.

В целом, ученый является одним из достойных продолжателей традиций классического монголоведения. Он вместе с другими ориенталистами Бурятии занимался формированием ряда новых востоковедных направлений, которые сейчас успешно действуют.

Немного о его биографии. Пурбо Банданович Балданжапов родился в с. Цаган-Оль Агинского Бурят-Монгольского национального округа Читинской области 12 апреля 1921 г. После окончания средней школы в 1941 г. работал учителем истории Зугалайской семилетней школе. В ноябре 1942 г. был призван в армию, а в 1943 г. — комиссован по состоянию здоровья. В 1949 г. с отличием закончил исторический факультет Иркутского государственного университета, после чего работал директором Анинской средней школы, в августе 1951 г. — заведующим Агинским окружным отделом народного образования. В 1953 г. он поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР, в 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Монгольская летопись Эрдени-ийн — эрике как исторический источник». Пурбо Банданович работал проректором Кызыльского педагогического института в период с 1956 по 1957 гг., после — деканом исторического факультета Читинского педагогического института (1958–1959 гг.). С 1959 г. вся его трудовая деятельность была связана с БИОН: младший, старший научный сотрудник отдела зарубежного востока, зав. музеем восточных культур, зав. отделом индо-тибетской медицины.

Даже основываясь на этих сведениях основных этапов научной и профессиональной деятельности Пурбо Бандановича, можно составить представление о том, насколько многогранной была деятельность ученого.

О том, что его научные интересы выходили за пределы узкой направленности, свидетельствует наличие двух неопубликованных рукописей: «Тува под гнетом маньчжурских захватчиков» и «Тувинские летописи».

В настоящей статье я постараюсь дать максимально подробную характеристику первой из них. Выход издания адаптированного варианта рукописей Пурбо Бандановича планируется в этом году, в издательстве «Репроцентр» (г. Иркутск). Работу по изданию рукописи ведут дочь Пурбо Бандановича — д.и.н. Ц. П. Ванчикова (Улан-Удэ), а также д.и.н., профессор Ю. В. Кузьмин (Иркутск), к.и.н., доцент В. А. Василенко (Иркутск).

Рукописи Пурбо Бандановича Балданжапова — это живое свидетельство того, что в Бурятии тоже занимались Тувой, уважали, любили ее историю и культуру. Опубликование их почти полвека спустя восстановит историческую справедливость и не даст предать вклад исследователя забвению.

«Тува под гнетом маньжурских захватчиков»

«Тува под гнетом маньжурских захватчиков» хранится в личном фонде П. Б. Балданжапова, созданном на основе переданных в дар Бурятскому научному центру СО РАН его супругой, Дулмой Дарижаповной Дарижаповой, насчитывает 129 листов, включает в себя собственно рукопись и приложения, а также список источников и литературы, всего 42 наименования. Среди них: Мэн-гу-ю-му-цзи (Записки о монгольских кочевьях), труд А. Н. Позднеева «Монгольская летопись эрдэнийн эрихэ», «Уложение палаты внешних сношений» С. В. Липовцева, сочинения Иакинфа (Н. Бичурина), А. М. Африканова, М. И. Боголепова, Б. Я. Владимирцева и других исследователей. Труды советских историков представлены монографиями Ф. Я. Кона, Р. М. Кабо, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Б. Я. Владимирцова, В. И. Дулова.

Сложно сказать, в какой период Пурбо Банаднович заинтересовался историей Тувы. К сожалению, в его личном фонде очень мало документов, в которых был бы освящен «тувинский период» жизни ученого. К их числу относится лишь одно письмо первого ректора Кызыльского государственного педагогического института А. А. Селеменева (1905-1965) Балданжапову-коллеге, датированное 10 июля 1958 г., а также рукопись «Тувинских летописей», о которых, я надеюсь, будет возможность рассказать в следующей статье.

Библиографический обзор литературы его рукописи содержит издания, датированные XIX — первой половиной XX столетий. Самое позднее из них — это публикация В. И. Дулова «Борьба тувинского народа против маньчжурского ига» в третьем номере журнала «Под знаменем Ленина и Сталина» за 1944 год. Точная дата самой рукописи нам не известна, поскольку нигде не указана. Однако, если принять во внимание, что в библиографическом указателе самое позднее издание, на которое опирался исследователь, относится к 1944 году, можно предположить, что «Туву под гнетом...» Пурбо Банданович начал писать задолго до времени его работы в Кызыле. На этом основании, при характеристике и описании рукописи П. Б. Балданжапова, я буду в большей степени апеллировать к отечественной историографии по истории международных отношений в Туве, датированной не позднее 1944 года.

«Тува под гнетом...» включает 11 разделов, которые по тематическому признаку можно разделить на три основных: «История включения Тувы в орбиту влияния Китая», «Оценка влияния маньчжуров на социально-экономическое развитие Тувы» и «Национально-освободительная борьба тувинцев против маньчжуров». Предваряя описание процесса включения территории Тувы в орбиту влияния маньчжурского Китая, П. Б. Балданжапов дает характеристику юридических отношений тувинцев с соседними государствами. По мнению автора, включение территории Тувы в состав Китая произошло бы ранее XVIII века, если бы не вмешательство джунгар: в 1688 году ими была захвачена Западная часть Тувы. Однако общая угроза со стороны маньчжуров вынудила обе стороны объединиться, и этот военный союз, справедливо полагает автор, был исторически оправдан (БНЦ СО РАН. Общий отдел. Ф. 28. Оп.1. Д.118. Л.3). Но более важной причиной, по которой маньчжуры не смогли присоединить Туву ранее, была, по мнению автора, исторически сложившаяся принадлежность Верхне-Енисейского бассейна России: «Боязнь столкнуться с Россией удерживала маньчжуров до поры до времени от чрезмерной агрессивной политики по отношению к Туве» (там же: Л.9). Вместе с тем, признает исследователь, «число тувинцев, платящих ясак Росси по пяти соболей было незначительным» (там же). Поэтому согласно русско-китайского договора 1727 года тувинцы должны были оставаться «вечно» свободными... Однако маньчжуры через 30 лет односторонне нарушили этот договор, захватили Туву, а тувинцев заставили платить непосильный для них ясак (албан)» (там же: Л.11).

Здесь позволю себе отметить, что, согласно Буринскому договору, речь шла о «разделении» податных тувинцев: «Урянхи в которую сторону платят по пяти соболей ясаку, в той стороне да останутца и впредь да платят. А которые урянхи платили в обе стороны по соболю, с которого дни граница установитца, впредь не спрашивать вечно. И тако договорясь утвердили» (Мясников, 1997: 220). Разметка русско-китайской границы на местах в 1727 г., как и тексты договоров, стали предметом споров спустя почти два столетия. Несмотря на то, что «урянхайский пограничный вопрос» был предметом острых дискуссий в общественно-политических и научных кругах XIX в. (Кузьмин, 2000), не меньше внимания ему уделяли в советской историографии. Ряд историков, апеллируя к трудам В. Попова, считали, что, напротив, Россия с Китаем имели равные права на край. Так, А. Львов в статье «Современный Урянхай», подчеркивал, что, при заключении пограничных договоров 1727 г., Россия на Урянхай имела равные с

Китаем права (Львов, 1923). По мнению Г. Е. Грумм-Гржимайло, граница между Россией и Китаем была проведена по Саянскому хребту, вследствие чего территория Урянхайского края, без сомнения, была отнесена к Цинскому Китаю. На основе архивных материалов МИДа Российской империи ученый доказывает в ошибочность мнения инженера путей сообщения Р. Родевича и полковника В. Попова (Грум-Гржимайло, 1926: 540). Аналогичной точки зрения придерживались некоторые исследователей, чьи работы были изданы в 30-40 годы XX в. Автор рукописи «Тува под гнетом маньчжурских захватчиков», говоря о спорности территории Урянхая, все же апеллирует к трудам Попова (БНЦ СО РАН. Общий отдел. Ф. 28 Оп.1. Д.118. Л.11). Этой же точки зрения придерживался и авторитетнейший ученый-тувиновед В. И. Дулов (Дулов, 1980: 20).

В мою задачу не входит подробное рассмотрение вопроса о верности прохождения русско-китайской границы согласно договорам 1727 г., об этом написано множество работ в более позднее время. Обращаю внимание на то, что автор рукописи делал вполне оригинальные выводы, опираясь на дореволюционные издания и научную литературу, изданную в довоенный период. В ранних работах советских ученых, как известно, присутствовала негативная оценка политики в Туве равно как Цинского Китая, так и в царской России. В работах Ф. Я. Кона, Р. М. Кабо, Н. Леонова, В. М. Иезуитова, монография которого была издана в 1956 г., идет резкое противопоставление действий царской России и советской власти в отношении Тувы (Иезуитов, 1956; Кабо, 1934; Кон, 1934; Львов, 1923). Общий контекст подобных мнений был сведен к резкой критике первой, и идеализации второй.

В работе П. Б. Балданжапова дана положительная оценка влияния России (пусть и царской) на развитие Тувы. Так, приводя факты переселения монголов из Цецен-хановского аймака на территорию России в 30-х годах XVIII века, ученый отмечает, что у тувинцев, больше, чем у халха-монголов, было желание окончательно оформить присоединение своего края к России среди тувинского народа. «Тем более, что Тува исторически, экономически, этнически и географически более тесно связана с юго-западной Сибирью. Тувинский народ видел, что родственные им народности в Сибири, в составе России, живут относительно в лучших условиях, чем они под игом маньчжурских захватчиков (БНЦ СО РАН. Общий отдел. Ф. 28 Оп.1. Д.118. Л.15–16). Однако царская Россия, «занятая тогда вопросами укрепления своих северных и южных границ, мало обращала внимания на далекую Туву» (там же). Об этом же говорил В.И.Дулов. В

статье «Присоединение Тувы к России в 1914 г.», посвященной 45-летию вхождения Тувы в состав России, он отметил, что проникновение русского капитала в Туву разрушало многовековую изоляцию этого региона, втягивая в общественные и экономические связи с Россией и родственными народностями (хакасами, алтайцами, дурбетами). В сравнении с политикой Цинов, приведшей к экономической изоляции Тувы, установление протектората России в 1914 г., по мнению ученого, носило преимущественно прогрессивный характер (Дулов, 1980).

Таким образом, Балданжапов в своем труде делал самостоятельные выводы, соответствующие «передовым» точкам зрения в то время на вопрос влияния политики имперской России на развитие Тувы. Он отмечал, что Китай к XVIII веку при господстве маньчжуров был экономически отсталой страной. Вследствие этого он не мог оказывать какое-либо положительное воздействие на экономическое и культурное развитие подчиненных территорий. Кроме того, к середине XIX века Срединная империя становится зависимой от западных держав, вследствие чего жизнь покоренных народов стала более тяжелой, даже в сравнении с соседними народами, зависимыми от России: «Он (Китай) не мог оказывать какое-либо прогрессивное влияние на экономическое и культурное развитие Тувы, как это имело место в соседних с Тувой странах на севере, находившихся тогда в колониальной зависимости от царской России. Действительно, в течение более чем 150-летнего периода нахождения Тувы под гнетом маньчжуров, в стране не было построено ни одного километра дороги, не говоря о железных дорогах, не было проведено почтово-телеграфных линий, не открыто ни одной школы, больницы и какого-нибудь другого типа культурных учреждений» (БНЦ СО РАН. Общий отдел. Ф. 28 Оп.1. Д.118. Л.20).

К числу последствий завоевания маньчжурами Тувы и Халха-Монголии ученый относил и вмешательство в их политико-административное устройство: «Глава ламаистской церкви Чжеб-Цзун-Дамба-хутухта, только первые два раза назначался из монголов, а остальные, до последнего восьмого, были из Тибета. В начале XVII века в Хала-Монголии было всего семь хошунов (княжеств), в 1655 — восемь..., а в 20-х годах XVIII века число хошунов дошло до семидесяти двух. Такое политическое раздробление было выгодно маньчжурским завоевателям. Власть аймачных князей была очень ограниченной. Маньчжуры также начали проводить мероприятия по политическому раздроблению и разобщению страны. Территория бывшего Алтын-хановского княжества была политически расчленена и роздана отдельным монгольским князьям. Маньчжуры от-

нюдь не были намерены восстановить когда-то довольно сильное Алтынхановское княжество» (там же, Л.14). Ответной реакцией халха-монголов и тувинцев стало сопротивление, о чем в своем труде неоднократно упоминает П. Б. Балндажапов (там же, ЛЛ.14, 15, 20). Кроме того, отмечает автор, в среде монгол и тувинцев возрастает стремление переселиться на территорию России: «Среди монгольских аратов в начале XVIII века снова усиливается движение за присоединение к России. Так, например, в 1730-31 годах в Россию из Цецен-хановского аймака переселилось 3839 семей монголов, а в 1732 г. переселился целый Баргутский хошун, в том числе, 8 сумонов. В 1755 г. царское правительство получило сообщение о желании переселиться в пределы России еще свыше 10.000 монгольских семей. Еще более (чем у халха-монголов) сильное желание было окончательно оформить присоединение своего края к России среди тувинского народа» (там же, ЛЛ.15–16).

К числу негативных последствий завоевания Тувы маньчжурами, по справедливому замечанию автора, относилось и территориальное разобщение алтайских тувинцев: «Алтайские тувинцы были вытеснены к верховьям реки Кобдо, и были отделены дурбетскими кочевьями от основной массы тувинцев. Они подали жалобу Богдо-хану с просьбой вернуть им обратно, насильно отнятые у них, родные кочевья и воссоединить с массой тувинского народа. Дурбеты также не прочь были вернуться обратно на свои старые кочевья на Иртыше. Китайское правительство на протяжении нескольких десятилетий разбирало этот вопрос. Многочисленные маньчжуро-китайские источники обогащались на этом процессе, вымогая взятки как у тувинцев, так и дурбетов. Китайскому правительству выгодно было ослабить тувинский народ, расчлняя их территориально на обособленные друг от друга части, во-вторых, разжигать вражду между тувинцами и дурбетами. алтайские тувинцы еще до конца 19 века частично сохранили свой родной язык. ... таким образом, благодаря враждебной политике маньчжурских захватчиков, направленной против малых народов, около 25% тувинцев были разобщены от единокровных братьев» (там же, Л.25).

Часть рукописи посвящена характеристике внутривнутриполитического развития Тувы, начиная с 1759 г. — времени административно-территориального размежевания края маньчжурами. Автор уделяет много внимания характеристике политического устройства некоторых хошунов, в первую очередь, Хемчикского. Историю этого административного образования ученый описывает, опираясь, в основном, на архивные до-

кументы. К сожалению, не удалось выяснить, какими именно фондами тувинского архива пользовался П. Б. Балданжапов (в рукописи сделаны ссылки только на номера дел). Апеллируя к архивным документам, он называет точную дату образования Хемчикского хошуна (1785 г.), дает подробную характеристику деятельности некоторых нойонов, управляющих хошунами в конце XIX — начале XX вв. Так, пишет исследователь, «Амбын-нойон Ульзей-Очир (1865–1899 гг.), отличившийся предприимчивостью, сумел значительно поднять роль и престиж амбын-нойона в политической жизни Тувы. Он более решительно вмешивался во внутренние дела отдельных, даже непосредственно ему подчиненных, хошунов. Ульзей-очира часто называли «правителем девяти тувинских хошунов» (примечание автора: «К этому времени Шалык и Сартул сумоны тоже начали именоваться «хошунами»»), хотя на такое звание он формального основания не имел. В годы его правления в Туве усилилось национально-освободительное движение среди тувинских аратов. Наивысшего обострения оно достигло в восстании «60 богатырей» (там же, Л.28–29). Деятельности амбын-нойона, Гомбо-Доржи (1899–1915 гг.) ученый дает противоположную оценку: «При следующем Бугде-дарги Гомбо-Доржи престиж амбын-нойона совершенно упал. Хошунные феодалы с ним не считались и фактически ему не подчинялись. Его власть в действительности ограничивалась только пределами Оюннарского хошуна. Правда, к этому периоду и условия политической жизни в Туве изменились, но немаловажную роль играла и личность амбына. Гомбо-Доржи являлся наиболее бездарно и невзрачной личностью из всех тувинских амбын-нойонов» (там же, Л.30). Отмечу, что на момент установления протектората амбын-нойон Гомбо-Доржи был сторонником присоединения Танну-Урянхая России, хотя и неоднократно менял свое мнение.

Историю Тувы в период маньчжурского господства П. Б. Балданжапов неразрывно связывает с историей освободительного движения. Он отмечал, что «В системе Дайцинской империи тувинцы считались наиболее «беспокойными». Маньчжуро-китайские захватчики проводили целый ряд мероприятий, чтобы «обезопасить» Туву, не давали тувинцам возможности объединяться между собою и не допускали связи с внешним миром» (там же, Л.109). Независимо от характера политики маньчжуров, проводимой в отношении тувинцев (усиление «азиатского деспотизма», либо, напротив, проведение «политики ненатянутой узды»), конфликты были неотъемлемой частью отношений метрополии со своим вассалом. Природа конфликта заключалась, считал ученый, прежде всего, в свобододолюбивом характере тувинцев.

В рукописи дается подробно описание военных столкновений тувинцев с маньчжурами, начиная с XVIII века, включая битву на озере Даин-Гол, в результате которой тувинцы и маньчжуры одержали победу, а также ряд военных столкновений, где преимущество было на стороне повстанцев, 1731–1732 гг. Говоря о знаменитом восстании «шестидесяти богатырей» 1879 г., П. Б. Балданжапов подчеркивает, что его проведение в таком масштабе было возможным только благодаря ослаблению Цинского Китая на тот момент и ужесточению колониального гнета на аратов (там же, Л.113–115). Говоря о причинах подавления восстания «Алдан маадыр», он высказывает мысль о том, что «Малочисленный тувинский народ мог одержать победу только при лишь прямой помощи могущественного аратского народа. Повстанцы и их руководители прекрасно понимали все трудности, поэтому они устремляли свои взоры в сторону России. Они предполагали в случае подавления восстания перейти в пределы России, там жить отдельным сумоном, собирать силы и готовиться к новым битвам за освобождение своего народа от ярма колониального и феодального гнета. Эта вера в освободительную миссию русского народа отразилась и в боевых песнях повстанцев, в которых они выражали примерно такие мысли: «Вы считаете нас слабыми беглецами, но мы найдем помощь в стране Алтая», т.е. в пределах России. Это вековое чаяние народа оправдалось, герои «Восстания 60 богатырей» не ошиблись, тувинские трудящиеся массы ... завоевали свою свободу, но это произошло спустя 40 лет после совершенных ...подвигов «60 богатырей» (там же, Л.119–120).

Итак, рукопись Пурбо Бандановича Бандажапова — это, в первую очередь, свидетельство того, что бурятские ученые тоже вносили достойный вклад в изучение истории международных отношений в приграничных регионах. Труд выдающегося ученого представляет собой законченное исследование, посвященное аспектам международной политики России и Китая в Туве в период с конца XVII — начала XX вв., после опубликования он займет достойное место в российской историографии по данной проблеме.

Далее будет приведено несколько выдержек из рукописи, взятых из разных разделов. Стиль, примечания автора сохранены полностью.

ТУВА ПОД ГНЕТОМ МАНЬЧЖУРСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

П. Б. Бандажапов

Л.1. К концу XVII века перестало существовать Северное Тувинское княжество. Основное его население переселилось на территорию современной Тувы. В 1688 году джунгарцы заняли Западную часть территории Тувы. ... Алтын-хан Гендун совместно с халхасскими феодалами бежал к маньчжурам. С добровольным подчинением халхасских феодалов маньчжурам, опасность иноземного нашествия на Туву еще более усилилась. Теперь против тувинцев и джунгарцев двинулись объединенные силы маньчжуро-китайцев и феодалов Восточной и Южной Монголии. Алтын-хан Гендун с остатками своих сил активно помогал захватчикам.

[...]

Л.3. В этот тяжелый исторический период укрепляется временный военный союз между тувинцами и джунгарцами для борьбы с общим врагом — маньчжурскими захватчиками. Следует, конечно, не забывать, что джунгарские ханы тоже выступали по отношению к Туве захватчиками. Но тогда главная опасность и главное зло шли со стороны маньчжуров. Поэтому временный и военный союз между Тувой и Джунгарией вполне исторически оправдан.

[...]

Л.9. В 1729 году маньчжурский император направил против тувинцев и джунгарцев две армии. В районе озера Даин-Гол маньчжуры были разбиты. В 17731 и 1732 годах джунгарцы и тувинцы сами совершали военные походы против маньчжуров и халхасских феодалов. Несмотря на превосходство своих сил, в 1737 году маньчжуры были вынуждены заключить мирный договор с Джунгарией и Тувой. После этого на границе Тувы на некоторое время устанавливается относительное спокойствие.

Во всех выше перечисленных неоднократных военных столкновениях между Джунгарией и Тувой с одной стороны, и Маньчжурией с другой стороны, огромное численное превосходство сил, несомненно, было на стороне маньчжуров.

Они использовали огромные людские и материальные ресурсы Китая, Юго-Восточной Монголии и других завоеванных и закабаленных стран. Но, тем не менее, маньчжуры на протяжении многих десятилетий не могли осуществить свой план — захватить Туву. Конечно, большую роль сыграла самоотверженная, героическая борьба тувинских аратов против

иноземных захватчиков... Но главная причина, почему маньчжуры долго не могли всей своей огромной силой обрушиться на Туву, заключается в том, что тогда Верхне-Енисейский бассейн считался исторически принадлежащим России. Следовательно, боязнь столкнуться с Россией удерживала маньчжуров до поры до времени от чрезмерной агрессивной политики по отношению к Туве. Они пока еще ограничивались разбойничьими грабительскими военными походами и налетами на Туву.

Л.10. В 1689 году между Россией и Китаем был заключен договор, известный под названием «Нерчинский трактат», в котором была определена граница между Россией и Китаем к востоку от Монголии. Когда китайские уполномоченные заключили в Нерчинске с бояриным Головиным трактат, халха-монголы еще не были под совершенною властью Богдохана, а потому и китайские уполномоченные не принимали на себя обязанности трактовать о разграничении земель далее Аргунской вершины (ссылка на «Историческую записку о китайской границе, составленную советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. — В. В.). Только в 1691 году Халха-Монголия официально была включена в состав Дайцинского Китая. Что касается Тувы, как указывали выше, тогда Верхне-Енисейский бассейн считался территорией России... Несколько позже царский уполномоченный граф С. В. Рагузинский в своей реляции 1726 г. писал: «По вершинам реки Енисея кочуют народы, называемые «сойоты», подданные российские, такой же веры, как и монголы, и платят ясак под всякий где соболями, лисицами и росомахами» (цит. по: Попов, 1910: 69. — В. В.).

Л.11. Признавая Верхний Енисей принадлежащим России, маньчжуры в 1720 году поставили по хребту Тану-Ола пограничные караульные посты, так называемая «линия монгольских караулов». Эта пограничная линия со специальными пограничными постами существовала вплоть до 1911 года.

После нескольких лет затишья, в середине XVIII века маньчжуры снова возобновляют свою борьбу за захват Тувы и Джунгарии. Маньчжуры в своих захватнических целях стремились воспользоваться междоусобной борьбой среди джунгарских феодалов, вспыхнувшей с большой силой после смерти кунтайши Галдан-Серена, последовавшей в 1745 году. Новый хан Джунгарии Севен-Доржи в 1750 году был убит своим братом Лама-Доржием, последний был убит другим претендентом на ханский престол Даваciem. После этого последовал еще ряд убийств и изгнаний претендентов на ханскую власть.

На востоке маньчжуры возобновляют свои военные налеты на Туву. В 1754 году, при помощи маньчжуров, совершает набег на Туву Саин-нойоновский аймачный хан Цебден-Джаб и захватывает часть Кемчикского района (Саин-нойоновский аймак в Халха-Монголии был образован в 1725 году. — прим. П. Б.).

В одном китайском источнике пишется, что в 1754 году Цебден-Джап за приведение к покорности урянхайцев был награжден званием, и повелено было ему принять покоренных в свое управление (здесь имеется в виду «Мен-гу-му-ю-цзы — записки о монгольских кочевьях». — В. В.). Тувинские араты этого захваченного района в составе 17 сумонов под названием Бэйси хошуна до 1911 года оставались данниками феодалов Саин-нойон-хановского аймака. В том же монгольском источнике сообщается, что в 1755 году другой феодал Сундуй-Доржи, совершив набег на Туву, захватил в плен 445 семей тувинских аратов и переселил их на реку Тес в качестве своих крепостных.

[...]

Л.13. Маньчжурское иго тяжким бременем ложилось на плечи аратов Халха-Монголии. Маньчжурским агентом начали тяготиться также и отдельные монгольские князья и теократы. Захватчики взяли курс на постепенное ограничение власти монгольских военных феодалов. Военный и гражданский правитель (цзянь-цзюнь, генерал-губернатор Халха-Монголии. — П. Б.) лично назначался Богдо-ханом. Только первые два цзянь-цзюня были монголами (Эфу-Серен и Ценгун-Чжаб, а все последующие назначаются исключительно из маньчжурских чиновников. Глава ламаисткой церкви Чжеб-Цзун-Дамба-хутухта, только первые два раза назначался из монголов, а остальные, до последнего восьмого, были из Тибета. Маньчжуры проводили мероприятия по дальнейшему раздроблению Халха-Монголии. В начале XVII века в Хала-Монголии было всего 7 хошунов (княжеств), в 1655 — 8, в 1690 — 24, в 1691 г. — 3, а в 20-х годах XVIII века число хошунов дошло до 72.

Л.14. Такое политическое раздробление было выгодно маньчжурским завоевателям. Власть аймачных князей была очень ограниченной. Они также начали проводить мероприятия по политическому раздроблению и разобщению страны. В середине XVIII века в Туве алтын-ханом являлся внук Бубея Ценгун-Джап (Шидар-Ван). Власть Ценгун-Джапа тоже была ограничена. Территория бывшего Алтын-хановского княжества была политически расчленена и роздана отдельным монгольским князьям. мань-

чжуры отнюдь не были намерены восстановить когда-то довольно сильное Алтын-хановское княжество. Алтын-хан Ценгун-Джап, в отличие от своих ближайших предшественников, начал вести борьбу против маньчжурских захватчиков.

Среди монгольских аратов в начале XVIII века снова усиливается движение за присоединение к России. Так, например, в 1730—31 годах в Россию из Цецен-хановского аймака переселилось 3839 семей монголов, а в 1732 г. переселился целый Баргутский хошун, в том числе, 8 сумонов. В 1755 г. царское правительство получило сообщение о желании переселиться в пределы России еще свыше 10.000 монгольских семей.

Еще более (чем у халха-монголов) сильное желание было окончательно оформить присоединение своего края к России среди тувинского народа. Тем более, что Тува исторически, экономически, этнически и географически более тесно связана с юго-западной Сибирью. Тувинский народ видел, что родственные им народности в Сибири, в составе России, живут относительно в лучших условиях, чем они под игом маньчжурских захватчиков.

Россия в то время была занята семилетней войной на западе с Пруссией и рассчитывать на немедленную (ее) помощь не приходилось. К тому же еще, в связи с внутренним политическим ослаблением Джунгарии, был прерван военный союз тувинцев и джунгарцев, существовавший в течение длительного времени, в борьбе против общего врага. Тувинский народ только лишь собственными силами не мог устоять против многочисленных сил захватчиков. В 1755 году вся Тува была вынуждена признать свою зависимость от Дайцинской империи. Но (тувинцы) еще не были окончательно (покорены). Через несколько месяцев, как только представилась возможность, весь тувинский народ восстал против маньчжурских поработителей.

После заключения Буринского и Кяхтинского трактатов, Россия учредила пограничные караулы по хребту Саянских гор, а Китай сохранил свои пограничные караулы по хребту Тану-Ола. Таким образом, Тува между Саянским и Тану-Ольским хребтами, оставалась фактически «нейтральной» страной между двумя великими державами. Царская Россия, занятая тогда вопросами укрепления своих северных и южных границ, мало обращала внимания на далекую Туву.

[...]

Л.16. В такой обстановке всеобщего недовольства маньчжурским игом вспыхивает народное восстание в Туве и Монголии. К восстанию была подготовлена вся Монголия, но благодаря предательству отдельных феодалов

и теократов Халха-Моголии, восстание получило распространение только лишь в Западной Монголии и Туве. [...] Устное творчество тувинского народа до сих пор сохранило для потомков воспоминание о героической борьбе славных предков тувинских аратов за свою независимость.

[...]

Л.20. Военно-оккупационный режим, установленный захватчиками в Туве, по своей тяжести превосходил колониальный режим,...

Л.21. ...установленный во многих других зависимых и порабощенных странах мира. Маньчжурский гнет в Туве во много раз был сильнее, чем гнет порабощенных народов в колониальных владениях царской России. «Азиатский деспотизм» маньчжурских сатрапов свирепствовал в Туве более необузданно, чем даже в соседней Монголии. Захватчики мстили тувинским аратам за их упорную 70-ти летнюю борьбу. Тяжесть колониального гнета тувинских аратов еще больше увеличивается тем обстоятельством, что с середины XIX века Китай сам становится объектом эксплуатации более сильных империалистических держав. Поэтому господствующие слои Дайцинской империи, в свою очередь, более свирепо эксплуатировали порабощенные ими народы. Кроме того, Китай к XVIII веку, при господстве маньчжуров, являлся экономически отсталой страной. Вследствие этого он не мог оказывать какое-либо прогрессивное влияние на экономическое и культурное развитие Тувы, как это имело место в соседних с Тувой странах на севере, находившихся тогда в колониальной зависимости от царской России. Действительно в течение более, чем 150 летнего периода нахождения Тувы под гнетом маньчжуров, в стране не было построено ни одного километра дороги, не говоря о железных дорогах, не было проведено почтово-телеграфных линий, не открыто ни одной школы, больницы и какого-нибудь другого типа культурных учреждений. Тяжело и трудно было тувинскому народу в прошлом, при господстве монгольских ханов, совершенно невыносима стала их жизнь при господстве новых, маньчжурских, поработителей.

Л.22. Основная линия политики маньчжурских захватчиков в Туве сводилась к тому, чтобы окончательно сломить у трудящихся аратов волю в борьбе за свою свободу и независимость, и превратить их в своих покорных рабов. Обширную территорию Верхнего Енисея, с ее огромными богатствами и трудолюбивым народом, они стремились превратить в лёгкий источник наживы для обогащения кучки господствующих эксплуататоров. С этой целью захватчики изолировали Туву от внешнего мира.

Политически расчленяли и раздробляли тувинских аратов друг от друга, всячески укрепляли власть феодалов, своих верных агентов... Всячески старались держать тувинские трудящиеся массы в темноте, в невежестве и окончательно убить у них чувство человеческого достоинства и национальной гордости.

Вся тувинская земля с ее богатствами недр, лесами, реками, озерами, обширными пастбищами и лугами была объявлена собственностью маньчжурского императора — Богдо-хана. Весь тувинский народ считался его, Богдо-хана, крепостными рабами. Тувинские араты не имели никаких политических и гражданских прав.

Л.23. Маньчжуры, как и другие захватчики чужой территории и работорговцы завоеванных народов, в Туве проводили принцип «разделяй и властвуй». Они даже не допустили восстановления старого Алтынхановского княжества. Вся тувинская территория в административно-политическом отношении была раздроблена на отдельно мелкие, друг с другом не связанные, части. В 1756 году от основной массы тувинского народа были отделены и вытеснены на юг значительное число, так называемых алтайских тувинцев. Они еще в 17 веке занимали обширную территорию от бассейна Иртыша до устьев реки Бухтермы. Затем они были вытеснены на юг в район реки Тесхема. В китайских источниках сообщается, что в 1756 году дурбетов из бассейна Иртыша переселились на северные склоны хребта Алтаин-нуру, где заняли, с разрешения китайских властей, урянхайские земли к северу от реки Кобдо. Алтайские тувинцы были вытеснены к верховьям реки Кобдо, и были отделены дурбетскими кочевьями от основной массы тувинцев. Они подали жалобу Богдо-хану с просьбой вернуть им обратно, насильно отнятые у них, родные кочевья и воссоединить с массой тувинского народа. Дурбетов также не прочь были вернуться обратно на свои старые кочевья на Иртыше. Китайское правительство на протяжении нескольких десятилетий разбирало этот вопрос. Многочисленные маньчжуро-китайские источники обогащались на этом процессе, вымогая взятки как у тувинцев,...

Л.24. ...так и дурбетов. Китайскому правительству выгодно было, ослабить тувинский народ, расчленяя их территориально на обособленные друг от друга части, во-вторых, разжигать вражду между тувинцами и дурбетов. алтайские тувинцы еще до конца 19 века частично сохранили свой родной язык... Таким образом, благодаря враждебной политике маньчжурских захватчиков, направленной против малых народов, около

25% тувинцев были разобщены от единокровных братьев. Теперь, спустя 200 лет, алтайские тувинцы, давно потерявшие связь с основной массой тувинского народа, говорит на монгольском языке и значительная часть их живет в западной части свободной Монгольской народной республики. Народное правительство МНР оказывает им большую помощь в экономическом и культурном развитии.

[...]

Л.26. Часть косогольских тувинцев и так называемых дархатов маньчжурский император «подарил» первому Чжеб-Цзун-Дамба-хутухте еще в начале XVIII века. Остальная часть Тувы, после оккупации маньчжурами в 1757 году в течение первых нескольких лет контролировалась Саин-ноин-ханом Цэбдэн-Джапом. В 1759 году в Туве было проведено административно-территориальное размежевание.

«Социальная природа государственной власти в дореволюционной Туве была типично феодалная, при господстве иностранных захватчиков. Господствующим классом были феодалы, подчиненным и угнетенным классом были трудящиеся араты. Феодалной гнет аратов усугублялся тем обстоятельством, что Тува являлась зависимой, колониальной страной. Господство иностранных захватчиков предопределяло особенность государственного устройства дореволюционной Тувы. Тува являлась насильственно оккупированной территорией Китайской (Дайцинской) империей.

[...]

Л.34. Как известно, тувинский народ долго и упорно защищал свою родину от маньчжурских захватчиков, и после оккупации страны продолжал вести борьбу за свою свободу. Тува считалась «неспокойным» краем и тувинский народ не пользовался доверием захватчиков. Поэтому китайское правительство освободило тувинцев от несения воинской обязанности. Но, тем не менее, в Туве, как и в Монголии, административное деление носило военный характер.

Тувинский народ никогда не мирился со своим рабским положением и неоднократно выступал против своих внешних и внутренних поработителей.

В системе Дайцинской империи тувинцы считались наиболее «беспокойными». Маньчжуро-китайские захватчики проводили целый ряд мероприятий, чтобы «обезопасить» Туву, не давали тувинцам возможности объединяться между собою и не допускали связи с внешним миром. С этой целью Тува была расчленена на отдельные политически и экономически

обособленные части. Запрещение, без специального разрешения, выезда из территории Тувы и въезда в нее, было вызвано не только фискальными соображениями. Имелись ввиду и политические соображения, а именно: изолировать тувинцев от внешнего мира, не допускать установления ими связи с соседними народами, (ведь) изолированное вооруженное выступление малочисленного тувинского народа можно будет легко подавить. Учитывая «беспокойный», то есть свободолюбивый, революционный характер тувинского народа, их храбрость самоотверженность, захватчики на первых порах в Туве действовали осторожно, осмотрительно и старались не вызывать возмущения тувинских аратов. Они держали курс на постепенное «обуздание»... тувинского народа.

[...]

Л.109. ... В высших китайских кругах считалось «мудрым изречением» соображение первого уляс-утайского цзянь-цзюня о том, что тувинцев «можно только оставить на произвол, а не обуздать законами. Вообще, всякий, кто получает жизнь, и желает жить, если дать волю его природе, то не надо будет хлопотать о предосторожностях, и тем самым сэберегутся военные расходы». Мудрость этого тезиса «высокопоставленного» чиновника довольно прозрачна, на деле она означает, что в целях предосторожности следует постепенно «обуздывать» «беспокойных» тувинцев, то есть постепенно натягивать надетую петлю на из шею.

Действительно, маньчжуры на первых порах проводили в Туве более «осторожную» политику, в частности, не особенно грубо вмешиваясь в дела местных феодалов. Примерно такую же политику они проводили и в Монголии. Но политика такого «обуздания» проводилась последовательно, и все туже и туже натягивалась колониальная петля, накинутая на шею тувинским аратам. Естественно, что усилилось сопротивление и борьба аратов против все более углубляющегося колониального гнета. Усиление колониального грабительства способствует и росту местной феодальной эксплуатации. Беззастенчивая грабительская деятельность русских...

Л. 110. ...торговцев-ростовщиков, также усиливает возмущение аратов. Особенно большое недовольство вызывали насильственный угон аратского скота торговцами за долги, не уплаченные другими; скупка ими по дешевке краденого скота, который при обнаружении ни в коем случае не возвращали хозяину. Некоторые купцы занимались открытым вымогательством и мошенничеством.

Все эти выше описанные условия усиливают справедливое возмуще-

ние аратов, обостряют классовую борьбу и во второй половине XIX века создают реальную почву для революционного взрыва.

Л.111. Революционная борьба тувинских аратов была направлена против иноземных захватчиков и их агентов — местных феодалов и чиновников, а также против торговцев-ростовщиков. Наиболее распространенной формой борьбы аратов был угон скота и захват имущества у феодалов, чиновников, торговцев-ростовщиков, награбленного у тех же аратов. Отобранный скот и имущество раздавалось аратам, обычно, наиболее пострадавшим от произвола эксплуататоров. Это было своеобразное и примитивное осуществление принципа «экспроприация экспроприаторов». Народ считал это мероприятие вполне справедливым, как возвращение «незаконно» награбленного имущества их подлинным хозяевам. Но логика борьбы неизбежно приводила к более организованному вооруженному выступлению аратов, во время которого выставлялись некоторые политические требования.

В 70-х годах XIX века в различных районах Тувы действовали разрозненные вооруженные группы аратов, наводившие ужас на эксплуататоров своими набегами на караваны феодалов, чиновников и на фактории торговцев-ростовщиков. Одна такая группа действовала в Зюн-Кемчикском районе, в местности, которая впоследствии начала именоваться «Теве-Адар». Во главе этой группы стояли араты Ерен-Хоо и Сарыг-Самдан. Эти араты довольно часто действовали вдвоем. Обычно они останавливали выстрелами из ружья караваны верблюдов, нагруженных имуществом, награбленным у аратов и снаряженных чиновников для отправки в ставки нойонов или в Уляс-Утай Цзянь-цзюню...

[...]

Л.112. Господствующие классы этих бесстрашных борцов за народное дело клеветнически называли «ворами», «беглецами». Нет сомнения, что в Туве были воры и отчаянные конокрады, некоторые из них иногда проникали в среду подлинных борцов, но таких проходимцев-уголовников сами же народные мстители изгоняли из своих рядов. Как указывали выше, скот и имущество, отобранные у эксплуататоров, повстанцы не присваивали себе в целях личного обогащения, а раздавали беднякам.

Еще в 1867 году группа аратов в 6 километрах ниже современного г. Кызыла, сожгла торговую факторию купца Веселкова и экспроприировала его имущество. Это было первое выступление тувинских аратов против бессовестного грабителя-эксплуататора, русского торговца-ростовщика.

В 1878 году такая же операция была проведена на Дорохме против торговца Сафьянова. В 1878 году большая группа вооруженных аратов сожгла фактории и отобрала скот у торговцев Бяковых и Сватикова на Кемчике и у Сафьянова на Чаакуле. Это последнее выступление аратов дорого обошлось им. Китайский суд наложил на кемчикских аратов огромную контрибуцию, в размере 29000 баранов, в пользу «пострадавших», в несколько раз превышающую фактическую стоимость причиненного последним «убытка».

Л.113. В 1879 г. на Кемчике вспыхнуло знаменитое в истории Тувы вооруженное восстание аратов, известное под названием «восстание 60 богатырей». Восстание это произошло в результате усилившегося колониального гнета и обострения классовых противоречий.

В 70-х годах XIX века во всем Китае усиливается реакция. Перед этим Дайцинская (маньчжурская) династия в Китае переживает сильнейший политический кризис. Тайпинское восстание в Китае (1850–1864 гг.) до основания расшатывает устои маньчжурского господства. Только лишь капитулировав перед великими империалистическими державами, прежде всего, перед англо-французским империализмом, маньчжуры сумели сохранить свое господство во всей Китайской империи. Именно в эти годы Китай фактически превращается в полуколонию империалистических держав. Опираясь на помощь великих империалистических стран, дайцинская династия во всей Китайской империи усиливает реакцию. Всякое национально-освободительное движение на окраинах империи подавляется с беспощадной жестокостью. Эта повсеместная реакция в Китае оказалась, конечно, и на Туве. ...

[...]

Л.115. Главными требованиями повстанцев были: уничтожение колониального гнета, прекращение безудержного произвола феодалов, обуздание действовавших разбойничьими приемами деятельности торговцев-ростовщиков, уменьшение размера всякого рода податей и предоставление демократических и политических прав аратам. Причем эти демократические права аратов они мечтали получить в рамках сохранения «обновленного» феодализма. Правда, обновленный, справедливый, народный феодализм — это политическая наивность и утопия, но такова была участь крестьянских восстаний в прошлом.

Вполне вероятно, что в представлении аратов это «народоправие» предполагалось в виде возвращения к старому «военно-племенному де-

мократизму». Идеализация прошедшего родо-общинного строя всегда было очень сильно распространена среди аратов. В тувинском фольклоре до сих пор сохранились рассказы «о минувшей вольной жизни», когда даже ханы и рыцари-богатыри стояли за народ и защищали их. Характерен в это отношении ответ повстанцев на предложение феодалов мирно прекратить восстание и сложить оружие, они, повстанцы, говорили, что «лучше мы Оргу-Шоль делаем своим ковром, а Кара-таг — своим ханом. Символически это означает, что на царственный ковер сядет сам народ, восставший Кара-Тага.

Л.116. О том, что повстанцы не ставили задачу окончательно ликвидировать феодализм, видно из того факта, что они хотели привлечь на свою сторону, уговорами или насильно, феодалов и использовать их в своих интересах. Во всяком случае, они хотели иметь своих «народных нойонов», «народных феодалов», как в России в свое время пугачевцы хотели иметь своего «народного, мужицкого царя». Из выше изложенного вытекает, что «восстание 60 богатырей» носило ярко выраженный характер крестьянских восстаний). Восстание Самбажика — это тип восстания «Степана Разина» и «Емельяна Пугачёва» ...

[...]

Л. 118. Главной причиной поражения «восстания 60 богатырей» является то, что враг был слишком силен, китайское правительство могло выставить для подавления восстания не только тысячи, но и десятки тысяч карателей. Малочисленный тувинский народ мог одержать победу только при лишь прямой...

Л.119. ...помощи могущественного братского народа. Повстанцы и их руководители прекрасно понимали все трудности, поэтому они устремляли свои взоры в сторону России. Они предполагали в случае подавления восстания перейти в пределы России, там жить отдельным сумоном, собирать силы и готовиться к новым битвам за освобождение своего народа от ярма колониального и феодального гнета. Эта вера в освободительную миссию русского народа отразилась и в боевых песнях повстанцев, в которых они выражали примерно такие мысли: «Вы считаете нас слабыми беглецами, но мы найдем помощь в стране Алтая», т.е. в пределах России. Это вековое чаяние народа оправдалось, герои «восстания 60 богатырей» не ошиблись, тувинские трудящиеся массы при братской помощи Великого русского народа завоевали свою свободу, но это произошло спустя 40 лет после совершенных бессмертных подвигов «60 богатырей».

Восстание 60 богатырей является яркой страницей в истории тувинского народа. Тувинский народ законно гордится бесстрашными подвигами своих предков, славными героями — борцами за народное дело — Самбажика, Дажима и их соратников. Память о них вечно будет жить в сердцах трудящихся Тувы. После подавления «Восстания 60 богатырей», конец XIX и начало XX века Туве знаменуется усилением колониальной реакции.

* * *

Выражаю глубокую благодарность и признательность руководителю Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН Цымжит Пурбуевне Ванчиковой, дочери П. Б. Бандажапова; моему уважаемому учителю и наставнику, доктору исторических наук, профессору Юрию Васильевичу Кузьмину за ценные советы, без которых опубликование этой статьи было бы невозможным, а также младшему научному сотруднику Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, кандидату исторических наук Марине Васильевне Аюшеевой за понимание, терпение и чуткое отношение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Владимирцов, Б. Я. (1934) Общественный строй монголов. Л.
- Дулов, В. И. (1980) Присоединение Тувы к России в 1914 г. (к 45-летию вхождения Тувы в состав России) // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. VII. Кызыл. С.11–30.
- Грум-Гржимайло, Г. Е. (1926) Западная Монголия и Урянхайский край. Л.: б.и. Т. 2. Вып. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии.
- Иезуитов, В. М. (1956) От Тувы феодальной к Туве социалистической. Кызыл : Тув-книгоиздат.
- Кабо, Р. М. (1934) Очерки истории и экономики Тувы. М.-Л. : Соцэгиз. Ч.1.
- Кон, Ф. Я. (1934) За 50 лет (Экспедиция в Сойотию). Л. : Издательство политкаторжан.
- Кузьмин, Ю. В. (2000) Урянхай в системе русско-монголо-китайских отношений : учебное пособие. Иркутск : Иркут. ун-т.
- Львов, А. (1923) Современный Урянхай // Новый Восток. №24. С.161–172.
- Мясников, В. С. (1997) Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.) Хабаровск : б.и.
- Попов, В. (1910) Урянхайский пограничный вопрос. Доклад ген. Штаба полковника В. Попова. Иркутск : Типография штаба военного округа.
- Чимитдоржиев, Ш. Б. (2001) Пурбо Балданжапов // Выдающиеся бурятские деятели. Вып.4. Улан-Удэ : Изд-во бурятского научного центра СО РАН. С.29–30.

Примечания:

¹ Ныне это Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, в котором работает кабинет-музей Пурбо Бандановича Балданжапова.

PURBO BALDANZHAPOV'S UNPUBLISHED MANUSCRIPT "TUVA UNDER THE YOKE OF THE MANCHU INVADERS"

Vasilenko V.A.

Abstract: Article presents the characteristics for the manuscript "Tuva under the yoke of the Manchu invaders" by the prominent Buryat scientist P.B. Baldanzhapov (approximate creation time – late 1940's–early 1950's).

Keywords: Baldanzhapov P.B., historiography, source study, Tuvan history, international relations in Tuva, politics, Manchu China.